

УДК 821.161.2_34 Р

Спивачук В. А.,
кандидат филологических наук,
Хмельницкий национальный университет
spivachuk_vo@ukr.net

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА МАЛОЙ ПРОЗЫ П. РОМАНОВА

Аннотация

В статье освещены особенности композиционной организации материала в рассказах П. Романова. В рассказах П. Романова наблюдается доминирование диалога и повествования от третьего лица, персонифицированное повествование присутствует лишь в лирико-психологических рассказах писателя. Наличие повествования/описания в рассказах даёт читателю представление о персонаже и месте действия. Отсутствие мистификации свидетельствует о реальности описываемых событий, хотя автор иногда прибегал к библейским аллюзиям и фольклорным традициям для полноты раскрытия поступков персонажей. Используемые приёмы и способы композиции повествования позволили П. Романову сформировать особый стиль, с помощью которого писатель имеет возможность свежо и психологически глубоко передать течение жизни.

Ключевые слова: композиция, сюжет, рассказ, диалог, повествование, описание, мистификация.

Summary

The article deals with peculiarities of using the composition organization of the material in the Romanov's short stories. Dominance of the dialogue and narration in the third person is observed in the P. Romanov's short stories, but a personalized narrative is presented only in the lyrical-psychological short stories. The presence of narration / description in the short stories gives the reader an idea of the character and the scene. Lack of the mystification demonstrates the reality of the described events, although the author sometimes resorted to the biblical allusions and folk traditions for full disclosure of the characters' actions. Used methods and techniques of narrative composition are allowed P. Romanov to create a particular style with which the writer has the ability to pass lifetime with fresh and psychologically deep colour.

Key words: composition, plot, short story, dialogue, narration, description, mystification.

Вопрос композиционной организации материала малой прозы 1920–1930-х годов в художественном наследии П. Романова неоднократно поднимался литературоведами и критиками. Чаще всего критические отклики 1920–1930-х годов на произведения П. Романова были ориентированы на оценку идеологически выверенной социальной правдивости или неправдивости изображённых писателем событий. И хотя рассказы П. Романова до сих пор вызывают неоднозначную реакцию со стороны читателей, критиков и литературоведов, которая, несмотря на наполненность противоречивыми оценками, единодушна в признании многообразия и самобытности таланта писателя. Среди обилия публикаций

наибольшей состоятельностью отличаются работы Г. Белой, Н. Грозновой, Е. Никитиной, С. Никоненко, А. Солженицына, Н. Фатова и др.

В настоящей статье ставится цель раскрыть особенности композиционной организации материала в произведениях писателя и рассмотреть их роль в формировании романовской художественной концепции мира и человека, также предпринимается попытка интерпретации ряда библейских аллюзий, которые либо не попали в поле зрения литературоведов, либо оставляют возможность многозначного толкования. Поэтому наиболее актуальными и сегодня представляются задачи комплексного и непредубеждённого анализа творческого наследия писателя как единого целого.

Композиция повествования представляет собой “систему соединения” всех его элементов. Ее объектом могут служить разные аспекты композиции: 1) архитектура (внешняя композиция текста) – членение на определенные части (главы, подглавы, абзацы, строфы и пр.), их последовательность и взаимосвязь; 2) система образов персонажей художественного произведения; 3) смена точек зрения в структуре текста, что составляет “центральную проблему композиции” [16, 10]; 4) система деталей, представленных в тексте (композиция деталей); их анализ дает возможность раскрыть способы углубления изображаемого: “детали, представляющиеся в дальней перспективе общего плана обрывочно и отдельно”, в контексте целого “сливаются в общем строе... как будто действуют тонкие невидимые нити или, пожалуй, магнетические токи” [9, 45]; 5) соотношенность друг с другом и с остальными компонентами текста его внесюжетных элементов (вставных новелл, рассказов, лирических отступлений, “сцен на сцене” в драме) [9, 45]. Анализ композиции, таким образом, учитывает разные аспекты организации целого.

Композиция повествования имеет такие основные составляющие: повествование и описание; монолог и диалог, внутренний монолог и внутренний диалог; субъективация повествования; сказ; повествование от первого или третьего лица; персонифицированное повествование; стилизация; мистификация.

Повествование и описание присутствуют во всех рассказах П. Романова. В экспозиции скупно описываются место действия, а потом следует повествование о событиях, которые последовательно ведут от развития действия к развязке рассказа. На протяжении рассказа описание и повествование чередуются друг с другом, но иногда разделяются другими типами повествования.

Так, развитие действия в рассказе “Восемь пудов” (1918) усиливается повествованием от третьего лица, после чего опять описываются люди, которые принимают участие в дальнейшем ходе событий. При помощи описания писатель подчёркивает характерную деталь, присущую всему русскому народу послереволюционного времени: *“Все бросились по*

дворам, остались только беднейшие, которые не имели подвод, у них были только доставшиеся от дележа оси, оглобли, которые они с досады в первый же день пожгли” [4, 75]. Рассказ заканчивается тем, что беднейшие, что и следовало ожидать, остались без сена, а имущие ухитрились по два раза отвезти полные подводы сена домой, хоть всем полагалось лишь по восемь пудов. Развязки конфликта не происходит: *“А нам что же?! – сказали беднейшие. Остальное всё – ваше, – отвечал Сенька, – делите. Старайтесь, чтоб по совести”* [4, 77]. Финальная фраза не разрешает конфликт: беднейшие остались ни с чем, богатые – с сеном и подводами. Происходит осколочность сюжета, открытость действия в другую ситуацию. Финал рассказа содержит жестокую насмешку над неимущими, вследствие своего бедственного положения не могущими пользоваться материальными благами, которые должны им быть предоставлены в ходе дележа господского имущества. Но именно описания помогают читателю увидеть и ощутить социальную несправедливость, которой подвергнуты “беднейшие”. Благодаря этому типу повествования П. Романов “открывает роковые ошибки строящейся новой жизни” [15, 8]. Бытовые, анекдотичные ситуации “смешных” романовских рассказов заключают в себе совсем невесёлые мысли о несправедливости судьбы по отношению к людям.

Из составляющих второго типа повествования – монолога и диалога – в рассказах П. Романова доминирует диалог. Монолог встречается крайне редко. П. Романов иногда ограничивается лишь одной скупой фразой, но эта фраза раскрывает полностью сущность того человека, который её произносит. Например, в рассказе “Соболий воротник” (1918) финальная фраза-монолог персонажа: *“Приехала – только всю душу растравила, ... – как вспомню про этот соболий воротник, так сердце и перевёртывается”* [4, 74] помогает самораскрытию персонажа: власть собственнических чувств лишает почтмейстершу разума, спокойствия, добродетели и порождает зависть, злобу. В этом рассказе писатель рисует картину крестьянского разбора “государственного” или народного имущества. Расхитители – все: и поп, и почтмейстер, и кузнец, и простой люд. Хотя, по замечанию жадной матушки, которая нехотя проговорила: *“Ну, конечно, кто проворней, тот побольше нахватал. Нам-то всего только три комода досталось да кофейник серебряный, ну ещё там кое-какие пустяки”* [4, 73], на что кузнечиха ответила: *“Тут только подгребай, вот сколько было”* [4, 73]. Из этого видно, что “понятие “общее” растворилось в гипертрофированном понятии “своё”. Почтмейстерша не устаёт ругать мужа за то, что тот, имея возможность, не купил за 5 рублей краденый соболий воротник, стоимость которого не меньше 5 тысяч рублей” [8, 60].

Обо всех действиях в рассказе читатель узнаёт из диалогов пассажиров поезда. “Предоставив слово персонажам, автор отходит в

сторонку, но, как опытный драматург, держит в руках все нити, незаметно направляя ход событий” [6, 254]. Диалог у П. Романова, примыкая к авторскому повествованию, “как бы продолжает его. Диалог не только подтверждает, иллюстрирует мысли автора, но развивает их, конкретизирует. Поэтому отпадает необходимость в словах, вводящих диалог. Они только бы отвлекали внимание читателя” [3, 58–59]. В рассказах П. Романова диалог персонажей раскрывает характеры персонажей и идею произведения. Рассказы, построенные на диалогах, отражают социальное положение персонажей, их настроения, переживания, чувства.

Так, в рассказе “Поросёнок” (1923) из диалога двух соседок становится известно, что поросёнок занимает главенствующее место в семье одной из соседок, его “за ушами чешут” [1, 328], “намедни” [1, 329] купали, а оберегают лучше, чем родных пять ребятишек, которые “босиком, с грязными, загорелыми ногами” [1, 329] носятся по улице. И если за поросёнка переживают, что он “на еду ленив” [1, 328], поэтому приходится “наильно” [1, 328] кормить “понемножку да почаще” [1, 328], то покормить детей – “наказание” [1, 329], потому что “столько летом едят, что сил никаких нет” [1, 329]. Поэтому у матери возникает лишь одно желание: “Смерти, что ли, на них нету?” [1, 330]. Так из короткой зарисовки становится понятно, что для матери поросёнок ближе и роднее собственных детей, которых можно и голодом поморить, и не лечить, если болеют, потому что “по нынешним временам дети – крест господень” [1, 328], так как “ни в огне не горят, ни в воде не тонут” [1, 330]. Поэтому проще махнуть на них рукой, чтобы “на глазах не вертелись” [1, 329] и не мешали “в гувернантки на старости лет” [1, 328] к поросёнку наняться.

Для рассказов П. Романова типичен короткий, лаконичный диалог. Иногда встречаются диалоги, в которых на короткую реплику-вопрос следует пространный ответ, содержащий обстоятельные рассуждения персонажа или его рассказ о своей жизни, о каком-либо событии. Такое построение даёт автору возможность выяснить те или иные обстоятельства жизни персонажей, показать сущность психологии, внутренний мир персонажа, строй его мыслей, его истинное отношение к происходящему вокруг. Например, в рассказе “Государственная собственность” (1918) крестьяне всю дорогу рассказывали, как они разрушали и разворовывали всё помещичье. Но П. Романов одной лишь фразой раскрыл и показал читателю отношение персонажей к государству:

– *Всё в пользу государства?*

– *Всё в пользу, пропади оно пропадом*” [4, 85].

П. Романов также обращается к внутреннему монологу и внутреннему диалогу. В рассказе “Голубое платье” (1928) Спиридон на свадьбе дочери, не выдержав насмешек Сёмки, кинулся на него с ножом. Его жена, Алёна, хотела разнять их и он, отмахиваясь от неё, разрезал её

“от груди до самых ног” [12, 334]. Когда она лежала в больнице и медленно умирала, Спиридон вёл с собой поочередно внутренний диалог (с женой, медсестрой) и внутренний монолог о дальнейшей своей жизни. Но каждая мысль персонажа полна эмоциональной экспрессии, обладает такой живостью и эмоциональностью, что “позволяет представить зрителю мимику, облик и движения говорящего” [7, 10].

Наряду с истинно человеческой жалостью к умирающей жене, в рассказе проступает обывательская сущность “маленького” человека, который не знает, как поступить: *“как же теперь будет хозяйство: если она умрет, ему одному не справиться, нанимать – жалко денег.*

Конечно, самое лучшее – жениться на Катерине. Но у Катерины хоть и душа хорошая, а у нее трое ребят. Тогда лучше Степанида, у нее один малый.

А если Алена останется жива, то все равно она теперь калека и работать не может, и так как одному с хозяйством не справиться, то все равно придется нанимать, потому что пока она жива, жениться на другой нельзя, да еще за ней ходить надо человека нанять” [12, 338–339].

Обращение П. Романова к народно-разговорной речи придаёт рассказам убедительность и жизненную достоверность, непосредственность, остроту в обрисовке персонажей. Так, в больнице, сидя в печали перед постелью умирающей жены, Спиридон на просьбу Алены положить ее в гроб в голубом платье отвечает: *“Жалко... что ж оно в земле-то зря сопреет? Лучше Устюшка поносит.*

– А, ну хорошо... в чём-нибудь, там не взыщут, что не приделась... – проговорила Алёна, и на её губах промелькнула слабая тень улыбки” [12, 336].

Во многих рассказах П. Романова можно наблюдать субъективацию повествования. Так, в рассказе “Человеческая душа” (1926) повествование окрашено восприятием персонажа. В начале рассказа говорится, что Софье Николаевне *“всё было противно, тяжело, жизнь казалась холодной, люди – бездушными”* [12, 203]. Но именно со временем Софья сама превращается в бездушную женщину, хозяйку и выживает свою старую подругу из дома. А Ирина, думая, что она спаслась от человеческой чёрствости и эгоизма, в финале рассказа уходит из дома и оставляет записку: *“Я ушла совсем. Прошу меня не искать...”* [12, 219]. Когда читаешь рассказ, то видишь, как изменяются на глазах отношения между Софьей и Ириной. И читатель погружается в течение жизни персонажей, для того, чтобы в буднях разглядеть сокровенный смысл рассказа, прочувствовать жизнь героев и задуматься: всё ли в этом мире так идеально? Почему люди огрубевают, становятся жестокими, эгоистичными? И, наверно, поэтому у П. Романова символ веры *“Реализм и реализм!.. Но отнюдь не переходящий в натурализм”* [11, 16], потому что лишь “та литература хороша, которая не успокаивает

мысль разрешением вопросов, а будит читателя, заставляет его волноваться, пересматривать те вопросы, к которым он пригляделся и которые машинально считает он уже разрешёнными” [11, 16]. Существует много вопросов, которые следует решать, но первый, и особенно важный вопрос – это исследование “человеческой души”. П. Романов в рассказе попробовал исследовать мельчайшие движения души, поступки персонажей в той или иной ситуации.

Пятый тип повествования – сказ – присущ рассказам П. Романова, если считать, что “элемент сказа, то есть установки на устную речь, обязательно присущ всякому рассказу” [2, 326]. Почти все рассказы П. Романова написаны в форме диалога. Персонажи, рассказывая о себе или разговаривая между собой, говорят так, как они умеют, употребляя просторечно-народные слова. Так, в рассказе “Беззащитная женщина” (1918) персонаж говорит, после того, как пьяный дезертир шлёпнулся в грязь: *“Его спервоначалу же можно было окоротить, как двоим зайтить бы сзади, да за руки...”* [4, 79]. В этом устном речевом потоке персонажа угадывается личность, не тождественная автору. П. Романов изображал простой русский народ с его говором, проблемами, ломкой корневого российского быта послереволюционной России.

Шестой тип повествования – повествование от первого, третьего лица также есть в рассказах П. Романова. Так, например, рассказ “Печаль” (1927) – единственный из всех рассказов написан от первого лица. Рассказ – “лирический, с тягой к философскому глубокомыслию” [14, 201]. Вся мысль рассказа заключается в том, что “имея, не ценим, потерявши, плачем” [14, 201], потому что люди *“изредка узнают что-то о своей душе, которую забыли...”* [12, 326], а *“от того и потеряли то, чем могли бы владеть всегда, а не в редкие только моменты”* [12, 326]. Поэтому персонаж советует: *“Детского побольше носить бы в себе...”* [12, 326] и тогда люди смогли бы жить счастливо. Этот рассказ П. Романова сложен для психологического анализа, как сама жизнь, и полон внутреннего, невыдуманного драматизма.

Седьмой тип повествования – персонифицированное повествование – можно отнести к нескольким рассказам П. Романова: “Один час” (1926), “Розы” (1930), “Без черёмухи” (1926) и др. Рассказ “Один час” (1926) посвящён внезапно пробудившемуся чувству любви к чужому мужчине у замужней женщины, матери. “Ситуация обостряется тем, что события происходят в “приподнятой” атмосфере империалистической войны, когда среди интеллигенции моральные ценности девальвировались, становились необязательными” [8, 62]. За один час до отправления поезда на фронт, почувствовав друг к другу взаимную симпатию, мужчина и женщина испытали много прекрасных душевных состояний, которые были бы невозможными в обыденной жизни: *“Не любя этого случайного мужчину, я чувствовала необычайное наслаждение от каждого его*

прикосновения, какое-то полудуховное наслаждение от сознания странности этой неожиданной непривычной близости” [13, 215], – признаётся героиня в письме к подруге, которое и представляет собой весь рассказ, до предела насыщенный исповедальностью, лиризмом и психологической правдой. Он незатейлив и прост, как сама жизнь, но читателю психологически трудно решить, кто из персонажей прав. Ведь героиня, “с одной стороны, на время “надела маску” свободной женщины, хозяйки собственной судьбы, но до конца доиграть взятую на себя роль не смогла, и все вернулось на “круги своя”. С другой же стороны, героиня на время “сняла маску” добродетельной и верной супруги-матери, однако в любом случае это лицедейство не помогло ей изменить свою жизнь” [5, 18]. В рассказе “Один час” П. Романов выводит тип женщины внутренне несвободной, находящейся в зависимости от установленных социальных моделей поведения и внешних обстоятельств.

Восьмой тип повествования – стилизация. У П. Романова есть много рассказов, в которых стилизация играет важную роль. Каждый персонаж рассказов П. Романова разговаривает своей особой, крестьянской, просторечно-народной речью, которая была характерна людям послереволюционной России. Так, в рассказе “Зелёная армия или умные командиры” (1920) персонажи, разговаривая друг с другом, употребляют просторечные слова. Например, один персонаж, сидя в вагоне и спрашивая, когда их выпустят, говорит: *“Выпускают? Это хорошо. Я главное дело насчёт харчей, а то хлеба дюже мало купил”* [4, 158]. Другой заметил, что *“это уж теперь порядок такой: сначала было отправляли, не запираючи, только речи эти перед отправкой поговорят, музыка поиграет – и пошёл. А потом получилось неудовольствие: на место, бывало, приедут, хватятся – командиры и комиссары тут, а солдат половину нету”* [4, 158]. Рассказ написан о том, как силой и обманом загоняли в Красную армию или угрозами: *“все свободы, говорят, потеряете”* [4, 158], но они мало действовали, потому что крестьянам: *“к чёртовой матери. Шкура дороже свободы”* [4, 159]. Однако мобилизаторы взяли крестьян тем, что “с другого конца обошли: *“Вот вам, говорят, неделя сроку; если свободу защищать не пойдёте, всех ваших поросят отберём”*” [4, 159]. Но, как известно из истории, некоторых крестьян просто расстреливали за отклонение от службы в Красной армии, за нежелание идти на фронт. А так “загнали, заперли призывников в вагонах, но обещали взамен разрешить им грабёж на фронте” [14, 198–199]. И именно умение наблюдать, видеть за внешним сущность позволило П. Романову выработать стиль, для которого “характерны лаконизм в передаче жеста, движения, мимики, точная, убедительная, достоверная речь персонажей” [11, 12], которая отображает правду жизни, пропущенную сквозь их сознание. Рассказы П. Романова, неразрывно связанные своим содержанием с эпохой, в которую они создавались, удивительно актуальны, злободневны и поныне.

Девятый тип повествования – мистификация – не характерен рассказам П. Романова, потому что “он писал о повседневном, понятном и близком самым широким массам рабочих, служащих, крестьян. Стремясь осуществить принципы своей “художественной науки о человеке”, он в своих произведениях показывал обыкновенного, среднего человека в обстоятельствах, обусловленных новым строем; и эти новые непривычные обстоятельства, а часто и новое социальное положение, выявляли глубинные, сущностные черты народного характера, обнажали “человеческую душу” [11, 12]. Стиль П. Романова, характерный для большинства его произведений, сдержан, даже суховат. Он избегает пышных словесных орнаментов, метафоричности. А. Солженицын замечал: “Совсем нет у него метафор – да и не к месту, не к наряду они б тут и выглядели” [14, 203]. Образы и сравнения П. Романова, как правило, лаконичны, почти всегда точны, а кроме того, дают приметы именно своего времени, его атмосферу. П. Романов, стараясь поведать правдивые и занятные истории о людях в самых разнообразных житейских ситуациях, прибегал при этом к самому доступному – разговорному языку. Тем более, сам П. Романов говорил: “Когда я пишу, я всегда думаю, чтобы меня понял самый бестолковый человек” [11, 11]. “Простота, которой стремился добиться Романов, была присуща не только сюжетам его рассказов, его героям, композиции, но и языку. Кажущаяся лёгкость, безыскусность, даже простоватость его рассказов – в действительности результат упорного, напряжённого труда” [10, 15] – отмечал С. Никоненко.

Пользуясь простым, традиционным языком, старыми приемами стиля и архитектоники, П. Романов умеет создавать художественно-актуальные картины и образы, а также отличающиеся большим искусством словесные миниатюры.

Проведенный анализ особенностей композиционного повествования позволяет сделать вывод, что в рассказах П. Романова наблюдается доминирование диалога и повествования от третьего лица, персонифицированное повествование присутствует лишь в лирико-психологических рассказах писателя. Наличие повествования/описания в рассказах даёт читателю представление о персонаже и месте действия. Отсутствие мистификации свидетельствует о реальности описываемых событий, хотя автор иногда прибегал к библейским аллюзиям и фольклорным традициям для полноты раскрытия поступков персонажей.

Использованные приёмы и способы композиции повествования позволили П. Романову сформировать особый стиль, с помощью которого писатель имеет возможность свежо и психологически глубоко передать течение жизни.

Многообразии типов повествования свидетельствует о большом мастерстве писателя. К какому бы типу повествования он не обращался, у него всегда получался короткий, лаконичный рассказ с удачным диалогом

между персонажами. Это помогало П. Романову создавать “многоголосую, многокрасочную картину послереволюционной России”. Основные функции диалога в рассказах П. Романова подчинены сюжетно-композиционной организации. Совмещение индивидуализированного и типизированного изображения персонажей приводило к формированию полифонизма, благодаря которому голос каждого персонажа был услышан и узнаваем. П. Романов обращается и к сказу, и к повествованию от первого и третьего лица, и персонифицированному повествованию, и стилизации для того, чтобы объективно и реалистично изображая внешний и внутренний мир, рисуя “разношерстную” толпу, показать повседневную жизнь простых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология сатиры и юмора России XX века. – М. : Эксмо, 2004. – Т. 34. Пантелеймон Романов. – 704 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972. – 470 с.
3. Бельчиков Ю. А. О диалогах у Глеба Успенского / Ю. А. Бельчиков // Русская речь. – 1982. – № 2. – С. 57–61.
4. Библиотека Юмора и Сатиры. Пантелеймон Романов. – М. : Правда, 1991. – 400 с.
5. Заварницына Н. М. Художественная специфика феномена театрализации в русской прозе 1920-х–1930-х годов : автореф. дисс. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 “Русская литература” / Н. М. Заварницына. – Воронеж, 2013. – 23 с.
6. Злобина М. Ключи Пантелеймона Романова / М. Злобина // Новый мир. – 1989. – № 9. – С. 253–258.
7. Кобзев Н. А. Диалог в произведениях А. Грина / Н. А. Кобзев // Русская речь. – 1980. – № 4. – С. 9–14.
8. Логвин Г. П. Пантелеймон Романов (1885–1938) / Г. П. Логвин // Відродження. – 1994. – № 8. – С. 59–62.
9. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учебное пособие / Николина Наталья Анатольевна. – М. : Академия, 2003. – 258 с.
10. Никоненко С. С. Мудрость простоты / Ст. Никоненко // Библиотека Сатиры и Юмора. Пантелеймон Романов. – М. : Правда, 1991. – С. 5–22.
11. Никоненко С. С. О менее праздничном, но более человеческом / Ст. Никоненко // Романов П. С. Избранные произведения. – М. : Художественная литература, 1988. – С. 3–24.
12. Романов П. С. Избранные произведения / Пантелеймон Романов. – М. : Художественная литература, 1988. – 400 с.
13. Романов П. С. Повести и рассказы / Пантелеймон Романов. – М. : Художественная литература, 1990. – 496 с.
14. Солженицын А. Дневник писателя : Пантелеймон Романов. Рассказы советских лет / А. Солженицын // Новый мир. – 1999. – № 7. – С. 197–204.
15. Сушилина И. К. Дорогой своей подлинной жизни / И. Сушилина // Романов П. С. Яблоневый цвет : Повесть и рассказы. – М. : Сов. Россия, 1991. – С. 3–10.
16. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Борис Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.

Стаття надійшла до редакції 27 лютого 2017 року